
Ямиля Нарт
Брошенная Невеста Дракона
и
Лавка магических артефактов

Ямиля Нарт

Брошенная невеста дракона и лавка магических артефактов

«Автор»
2026

Нарт Я.

Брошенная невеста дракона и лавка магических артефактов /
Я. Нарт — «Автор», 2026

Напилась вина, бормотнула заклинание с ютуба — и очнулась в теле Лианы Морай, опозоренной невесты дракона Дэвида Дьемара. Хуже того: этот любовный роман я дочитывала вчера и примерно помню, что мне уготовано.Меня только что публично бросили при сотне свидетелей, назвали недостойной и расторгли помолвку.Его план? Запереть меня в подземелье и забыть. Мой план? Схватить бокал вина, послать рептилию куда подальше и сбежать.Прямиком в заброшенный магазинчик артефактов моей матери. Он стоит напротив ворот академии магии. Там, где Дэвид работает ректором. Идеальное убежище: кто же будет искать беглянку у себя под носом?Там я обнаруживаю, что руны и символы, которые я изучала «для души», здесь обладают реальной силой. Это древняя, почти забытая магия.Мне предстоит: восстановить собственную честь, найти любовь, остановить злодея и не влюбиться в дракона, который меня бросил.Спойлер: с последним пунктом проблемы.

© Нарт Я., 2026
© Автор, 2026

Ямиля Нарт
Брошенная невеста дракона и лавка магических артефактов

Глава 1. Пьяный ритуал, дракон и немного наглости

Голова раскалывалась так, будто кто-то методично долбил по черепу медным подсвечником.

Я приоткрыла один глаз и пожалела об этом. Потолок парил в двух метрах надо мной, расписанный дракончиками с румяными щеками, и каждый дракончик держал в руках по хрустальной люстре.

Я открыла оба глаза и первым делом увидела собственные пальцы, вцепившиеся в подлокотник резного дубового кресла. Пальцы были чужими — длинные, бледные, с идеальным маникюром цвета слоновой кости.

Вторым делом я поняла, что сижу в огромном зале, залитом светом тысяч свечей. Сотни пар глаз уставились на меня.

Третьим делом я поняла, что надо мной навис мужчина.

Высокий, с резкими чертами лица и темными глазами. Белоснежный камзол расшит серебряными драконами. На плече — плащ цвета запёкшейся крови. Он смотрел на меня так, будто я только что нагадила ему в тарелку с супом.

— Лиана Морай, — произнёс он занудным голосом, от которого у меня заныли зубы. — Твоё поведение недостойно будущей госпожи Дьемар. Ты опозорила меня и весь мой род. Помолвка расторгнута.

Зал взорвался шёпотом. Кто-то ахнул, кто-то злорадно усмехнулся. Вокруг стояли люди. Все в бархате, шёлке, драгоценностях. Мужчины в камзолах, женщины с причёсками выше моих будущих шансов на нормальную жизнь.

А я вдруг вспомнила.

Сначала — книгу. Любовный роман в мягкой обложке, купленный на вокзале.

«Пламя и лед драконьего сердца». Чтиво для метро, где главный герой — высокомерный дракон, а героиня — наивная девушка, которая его перевоспитывает. Второстепенный персонаж по имени Лиана Морай появлялась ровно на трёх страницах: опозоренная невеста, которую бросили перед всем народом за попытку вызвать ревность жениха с помощью интрижки с каким-то виконтом. План провалился. Дракон оказался не ревнив, а брезглив.

Потом вспыло воспоминание о вчерашнем вечере. Моя съёмная квартира на седьмом этаже. Две пустые бутылки из-под дешёвого красного вина на полу. Я перечитывала роман в сотый раз, потому что делать всё равно нечего. И тут меня осенило. Точнее, накрыла волна алкогольной гениальности.

Я изучала руны десять лет. Для души. У меня были тетради с вычерченными символами, самодельные деревянные пластинки, куча скопированных из интернета схем. Я рисовала руны на дверных косяках, на запястье перед важными встречами, на внутренней стороне кошелька — чтобы деньги водились. Это не работало. Но я верила, что когда-нибудь сработает.

И вот вчера, допив третью бутылку, я решила устроить полноценный ритуал. Нашла в интернете схему «Призыв истинного пути». Красный маркер, свечи, пентаграмма на полу между диваном и журнальным столиком. Я нарисовала руну Ансуз в центре — символ сообщения между мирами. Потом руну Райдо — дорогу. И для надёжности — Дагаз, прорыв. Зажгла свечи, встала в круг, пошатываясь, и добавила к ритуалу древнеисландскую белиберду, скопи-

рованную с ютуба у мужика с ником «Seidhman1984», который записывал видео на фоне ковра с оленями.

Последним, что я помнила, была вспышка. Яркая, белая, обжигающая. А потом — темнота. И вот я здесь.

И теперь я — Лиана Морай.

В голове зашумело. Чужие воспоминания посыпались, как старые фотографии из разорванного альбома. Мать, леди Элинор Морай, с тёмными кругами под глазами и вечно испачканными чернилами пальцами. Она исчезла год назад.

Лавка артефактов возле Академии Магии, пахнущая пылью и машинным маслом. Отец, умерший, когда Лиане было пять, — от него остался только портрет в гостиной и тяжёлая медная пепельница, которую никто не выбрасывал. Обучение этикету с нудной гувернанткой, которая била линейкой по пальцам за неправильный наклон головы. И — Дэвид Дьемар. Холодный, недосягаемый, с глазами, которые заставляли сердце сжиматься от страха и надежды. Лиана хотела его любви.

В романе её роль была жалкой: второстепенная невеста, которую главный герой бросает на второй странице, чтобы уйти к истинной любви — рыжеволосой бестии с огненным характером и огромным магическим резервом. Лиана Морай должна была исчезнуть в подземельях замка, подавать реплики из-за решётки и умереть от чахотки к середине второй книги. Я дочитывала эту сцену в час ночи, заедая вино чипсами, и думала: «Ну и дура же эта Лиана, что не послала дракона куда подальше сразу».

Всё это влезло в голову за секунду.

Я медленно поднялась с кресла. Юбка платья весила килограммов двадцать — плотный шёлк, кружево, бисер. Корсет врезался в рёбра при каждом вдохе. Мой рот открылся раньше, чем мозг успел пристегнуть ремень безопасности.

— Спасибо за освобождение, дорогой, — услышала я собственный голос. — А то я уже начала переживать, как буду жить с тобой дальше.

Дэвид замер. Глаза сузились, словно прицеливаясь перед выстрелом.

В наступившей тишине я отчётливо слышала, как потрескивают свечи в огромной люстре над головой.

А я не могла остановиться. Стресс всегда превращал меня в цирковую обезьянку с гранатой в руках

— Представляешь: утро, ты заходишь на кухню весь в саже и говоришь: «Дорогая, я сегодня спалил три деревни, не приготовишь мне кофе?» — я улыбнулась самой обаятельной улыбкой, на которую была способна в теле опозоренной аристократки. — А я такая: «Конечно, милый, только скажи, какой сорт — "обугленный крестьянин" или "с лёгким ароматом горящей мельницы"?»

Кто-то в задних рядах поперхнулся вином. Я услышала кашель и бульканье — справа, в третьем ряду. Я продолжила, уже не в силах остановиться.

— А вечером ты бы приходил домой и жаловался: «Опять эти рыцари достали, пришлось их всех поджарить». А я бы тебе говорила: «Дэвид, ты же обещал, что в этом месяце будешь сжигать только по две деревни в неделю, мы же разговаривали про экологию!»

Лорд Дьемар медленно наклонил голову.

— Все драконы любят золото, — я подалась вперёд, почти касаясь носом его камзола. От него пахло дорогим одеколоном. — А ты, видимо, ещё и коллекционируешь опозоренных невест. Редкий экспонат.

Он не шелохнулся.

— Скажи честно, — я заглянула ему в глаза, отметив про себя, что этот взгляд способен заморозить кипяток. — Ты меня бросил, потому что я недостаточно блестящая?

В зале кто-то коротко и нервно засмеялся.

— Убирайся, — произнёс Дэвид тихо. — Пока я не передумал и не превратил твой язык в пепел.

Я кивнула, развернулась на каблуках и пошла к выходу. Платье волочилось по мраморному полу, собирая пыль и осколки чьих-то иллюзий. Гости расступались передо мной, как море перед Моисеем. В их глазах я читала одно: эта женщина только что совершила публичное самоубийство.

Глава 2. Побег для чайников

У выхода стоял стол с закусками. Я на бегу схватила бокал красного и сделала большой глоток. Вино обожгло горло, но голова прояснилась ровно настолько, чтобы понять: я идиотка. Весёлая идиотка, но это не отменяет первого.

— Чего пропадать добру, — пробормотала я и шагнула в коридор.

Мрамор под ногами сменился каменными плитами. Коридор уходил вперёд, теряясь в полумраке. Гобелены на стенах — битвы, драконы, рыцари, всё в тусклых багровых тонах. Факелы горели через каждые пять метров, чадили и воняли дёгтем. Я шла быстро, каблуки стучали по камню: цок-цок-цок — как метроном, отсчитывающий время до того момента, когда Дэвид очнется и пошлёт стражу.

Вино в бокале плескалось, я отпила ещё. Мысли метались, как мухи в банке.

Я читала эту книгу. Лиана Морай в ней должна была сейчас упасть в обморок, её унесли бы в подземелье, и следующие двести страниц она бы гнила там, глядя на крыс. Но я не собиралась гнить.

За первым же поворотом я врезалась в мужскую грудь.

— Осторожнее, леди Морай, — раздался насмешливый голос. — Вы можете кого-нибудь поранить своей дерзостью.

Я подняла глаза. Передо мной стоял мужчина лет тридцати, с тёмными волосами, собранными в низкий хвост, и зелёными глазами, в которых плясали блики от факелов. Камзол из тёмно-синего бархата, на пальце — перстень с рубином. В голове всплыло – Лорд Алрик Эрроувуд, глава торговой гильдии. В романе он появлялся всего пару раз, мелькнул на фоне и исчез. Не любовник, не злодей, так, декорация. Я даже помнила его последнюю фразу в книге: «Драконьи игры меня не касаются». Безобидный тип.

— Простите, я спешу на встречу с собственным достоинством, — ответила я, обходя его. — Оно, кажется, убежало в сторону ворот.

Лорд Эрроувуд шагнул за мной. Я услышала, как его сапоги заскрипели по мрамору.

— Вы знаете, что он только что приказал стражникам задержать вас у выхода?

Я замерла. Бокал с вином застыл у моих губ.

— Что?

— Лорд Дьемар не привык, чтобы его публично высмеивали, — Алрик протянул руку и забрал у меня бокал. — Он собирается посадить вас в подземелье за оскорбление чести рода. На неделю-другую. Чтобы вы подумали над своим поведением.

Я посмотрела на него. Он не улыбался.

— И зачем вы мне это говорите?

— Потому что ваша мать, леди Элинор Морай, была моим партнёром, — он сделал глоток моего вина. — И она не заслужила, чтобы её дочь сгнила в каменном мешке из-за языка длиннее, чем крыло дракона.

Я моргнула. Мать. В романе о матери Лианы говорилось ровно два предложения: исчезла год назад, владела лавкой магических артефактов, которая потом пришла в запустение. Из обрывков воспоминаний, доставшихся от тела, я почувствовала тепло в груди — там, где раньше жила любовь к этой женщине.

Лорд Эрроувуд вытащил из внутреннего кармана камзола ключ на медной цепочке. Массивный, с тремя бородками и рунической вязью на головке. А следом — кожаный кошель, тугой и увесистый. Он бросил оба предмета мне в ладонь.

— Иди в лавку твоей матери. Нижний город, улица Теней, дом семь. Здесь немного серебра, хватит на первое время. Дьемар даже не знает о существовании этого места. Мы открыли эту лавку вместе с твоей мамой как деловые партнеры. Если сможешь возродить ее дело, я буду только рад.

Я сжала ключ и кошель в кулаке.

— Зачем вы это делаете? — повторила я вопрос, потому что мужчины просто так деньгами не разбрасываются. Я это усвоила ещё в той жизни, когда коллега-бухгалтер одолжил мне тысячу до зарплаты, а потом три месяца требовал, чтобы я мыла за ним кружку.

Алрик усмехнулся. Зелёные глаза блеснули.

— Я уже сказал: долг старому другу. Но не совсем бескорыстно. Когда вы устроитесь, леди Морай, я попрошу вас об одной услуге. Не сейчас, не завтра. Но вы будете мне должна.

Я быстро перебрала в голове страницы романа. Алрик Эрроувуд — не предатель, не убийца, не тайный злодей. Он просто торгаш с хорошими манерами. В книге он даже помог главной героине в третьей главе, но потом исчез со страниц, потому что автору стало лень его прописывать.

— Согласна, — сказала я. — Но если вы попросите меня убить кого-нибудь или украсть королевскую корону, я нашлю на вас порчу.

Алрик коротко рассмеялся.

— Ничего такого. Просто маленькое дело, связанное с торговлей. А теперь идите, пока стража не прочесала коридоры.

Он развернулся и пошёл прочь, бросив через плечо:

— И ещё: не трогайте руны на дверном косяке лавки.

Он скрылся за поворотом, оставив меня одну в коридоре с ключом и кошельком. Я сунула кошель и ключ за корсаж — подальше от чужих глаз.

Только сейчас я услышала топот слева.

Я нырнула за гобелен с битвой горгулий. Тяжёлая ткань пахла пылью и молью. Я замерла, прижавшись спиной к холодной стене. Топот приближался. Я услышала грубые голоса:

— Лорд Дьемар сказал, найти и связать. Она не должна выйти из замка.

— Да куда она денется в этом платье?

— Бабёнки хитрые. Ты прошлый раз ищеек приводил, а она в корзине для белья сидела.

— Заткнись.

Они прошли мимо. Я выглянула из-за гобелена, когда последний стражник скрылся за углом. Сердце колотилось так, что, казалось, гобелен дрожит в такт.

Я выбежала из укрытия. Каблуки скользили по мрамору, я чуть не упала, схватилась за стену. На лестничном пролёте я скинула туфли. Босиком было холодно, каменные плиты леденили пятки, но идти стало тише и безопаснее. Туфли я взяла в руки.

Кухни нашлись через три коридора и одну лестницу вниз. Запах жира, чеснока и пережаренного лука ударил в нос так, что глаза защипало. На кухне орали — повара, помощники, мальчишки с медными тазами. Я влетела в это пекло, растолкала локтями двух парней в фартуках и вцепилась в рукав женщины, которая выглядела как главная.

— Мне нужна одежда, — сказала я, пытаясь перекричать шипение масла на сковороде. — Одежда служанки. И плащ. Живо.

Женщина — круглая, с лицом, похожим на печёное яблоко, — хотела что-то ответить, но я вытащила из кошеля серебряную монету и сунула ей в ладонь. Монета блеснула в свете очага, и рот женщины закрылся.

Через две минуты я была в сером льняном платье, грубом, колючем, но зато не весившем полцентнера. Корсет остался на мне, расшнуровывать его было некогда. Плащ из толстой шерсти, с капюшоном, пах дымом и дешёвым мылом. Своё шёлковое великолепие я бросила на лавку у двери, пусть забирают, мне не жалко.

— Как выйти? — спросила я, закалывая выбившиеся пряди.

— Через кладовую, потом налево, — прошептала женщина.

Я выпрямилась, опустила плечи, сделала лицо тупым и уставшим. Женщина показала большой палец. Видимо, получилось убедительно.

Через кладовую, мимо мешков с крупой и бочек с солёной рыбой, я дошла до двери.

Сумерки уже сгущались. Во дворе горели два факела, и у ворот, ведущих на улицу, стояли двое мужчин с алебардами. Они лениво переговаривались и смотрели в сторону замка, а не на кухонный выход.

Я вышла, неся в руках пустое ведро, которое прихватила у входа. Пошла не спеша, как будто направляюсь к колодцу. Стражники скользнули по мне взглядом и отвернулись.

Я прошла мимо них, свернула за угол конюшни, бросила ведро в стог сена и припустила по мостовой.

В голове пульсировала одна мысль: я только что послала дракона в пешее эротическое путешествие при сотне свидетелей, сбежала от стражи через кухню, обменяв парадное платье на тряпки служанки, и теперь бегу по чужому городу в чужом теле с ключом от чужой лавки и горстью монет.

Моя квартира с пачкой неоплаченных счетов, начальник-козёл, вечно сломанная кофеварка — всё это осталось там, за гранью реальности. И я должна была бы рыдать в голос от ужаса. Но вместо этого я поймала себя на мысли, что мне чертовски интересно.

В книге Лиану Морай выставили расчётливой дрянью, которая встречалась с виконтом, чтобы ее приревновал жених. Красивая ложь для читателей, которым нужен был повод для драмы. А настоящая Лиана — та, чьи воспоминания сейчас жгли мне затылок, — просто сидела в гостиной с вышиванием. Виконт зашёл на пять минут поздороваться и ушёл. Ни флирта, ни намёка.

Дэвид даже не дал ей объясниться — просто швырнул обвинение, поверил какому-то доносчику и разорвал помолвку при сотне свидетелей.

И никто не спросил у неё, правда ли это.

Я стиснула зубы. Пальцы сами собой сжались в кулаки, ногти впились в ладони.

— Идиотка, — прошептала я в пустоту переулка. — Ты могла просто встать и сказать: «Я ничего не делала». Но нет, ты выбрала шутки про сожжённые деревни.

Хотя, если честно, даже если бы я сказала правду — кто бы мне поверил? Дракон сказал «виновата», значит, виновата. В этом мире, кажется, не принято оспаривать слова ректора Академии и наследника древнего рода.

Глава 3. Тайник, дневник и первая рабочая руна

Улица Теней оправдывала название даже в полдень. Фонари на столбах не горели, окна домов смотрели мутными стёклами, а мостовая напоминала спину дохлого кота — бугристая, в выбоинах, с редкими пучками жёсткой травы между камней. Я шла вдоль домов, сжимая в кармане плаща ключ с медной цепочкой.

Лавка матери Лианы оказалась в самом конце улицы, напротив массивных кованых ворот, за которыми возвышались башни Академии магии. Ворота были закрыты, но сквозь прутья я видела пустой двор и каменные ступени, уходящие вверх, к главному зданию с черепичной крышей. Два дракона, выкованных из металла, скалились на меня с каменных столбов.

Студенты — в тёмно-синих мантиях, с нашивками на рукавах — бродили по территории, но никто не смотрел в мою сторону. Академия жила своей жизнью, а я стояла перед дверью с облупившейся краской и табличкой «Лавка магических артефактов Элинор Морай». Буквы выцвели, железная ручка покрылась зелёным налётом, а в щели между дверью и косяком торчала сухая ветка.

Я сунула ключ в замок. Тот щёлкнул громко, как выстрел, и дверь со скрипом отворилась внутрь.

Первый вдох в лавке заставил меня закашляться. Воздух пах пылью, затхлой бумагой, сушёными травами и ещё чем-то сладковато-гнилым. Я прикрыла за собой дверь и осталась стоять в полумраке, щурясь.

Свет пробивался через два запылённых окна, падая на разгромленные витрины. Стекло в одной из них треснуло от края до края, и кто-то заклеил трещину жёлтой липкой лентой. За стеклом лежали какие-то каменные побрякушки, затянутые паутиной. Вторая витрина отсутствовала полностью, пустая деревянная рама зияла дырой.

Стеллажи вдоль стен были завалены коробками: картонными, деревянными, жестяными, на каждой надписи вроде «Осторожно, взрывается» и «Не трясти». На полу валялись банки с мутной жидкостью, внутри плавали то ли коренья, то ли чьи-то пальцы.

Прямо по центру комнаты стоял манекен в рваной мантии с оторванной левой рукой. Вторую руку манекен воздел к потолку, и на его деревянных пальцах болтались три медных кольца разного размера.

Пол под ногами хрустел. Я опустила взгляд и увидела осколки керамики, рассыпанные гвозди. Справа стоял прилавок — массивный, из тёмного дерева, с поцарапанной столешницей.

Я сделала три шага вперёд и чуть не наступила на дохлую мышь. Она лежала на боку, задрав лапки, с приоткрытым ртом, в котором белел крошечный зуб. Рядом валялась вторая — поменьше.

— Отличное начало, — сказала я вслух.

Я подошла к прилавку, сгребла коробки в сторону. Под ними оказалась стопка пожелтевших квитанций, старая чашка с отбитой ручкой и ржавый нож. Я отодвинула всё это к краю, вытерла ладонью пыль со столешницы и опёрлась на дерево. Глаза слезились от пыли, в горле першило.

Я обвела лавку взглядом. На верхней полке стеллажа я заметила человеческий череп, украшенный венком из засохших цветов. Справа — дверь в подсобку, приоткрытая, из которой тянуло холодом и сыростью. В углу, за манекеном, стояло продавленное кресло с вылезающей из подлокотников обивкой.

Я начала разбирать завалы без всякого плана, просто чтобы занять руки и понять, где можно сесть. Сначала я переставила коробки с прилавка на пол, сорвав бечёвку с одной из них. Внутри лежали стеклянные шары с трещинами — в каждом шаре застыл чёрный дым. Я поставила их на подоконник, туда, где не было разбитого стекла. Потом взялась за банки. В одной из них, когда я подняла её, что-то булькнуло, и из-под крышки вырвалась струя зелёного газа. Я быстро закрутила крышку обратно и отставила банку к стене.

Третьей находкой стал старый чайник из потускневшей меди. Я сунула его под прилавок, пусть лежит, может, пригодится для подогрева воды, если я когда-нибудь найду воду.

Через час беспорядочного копания я выдохлась. Спина ныла, глаза слезились от пыли, а в лёгких свербило от запаха пыли. Я сползла по стене на пол, прямо между манекеном и грудой мусора. Плащ я скинула ещё в начале, осталась в колючем льняном платье, и теперь ткань впивалась в плечи при каждом движении.

Я откинула голову назад, прислонилась затылком к прилавку и закрыла глаза. Пыль оседала на лице, щекотала ноздри. Я чихнула, потом ещё раз, и на третьем чихе у меня защипало в груди так, что я согнулась пополам.

— Что я тут делаю? — спросила я у дохлой мыши. Мышь не ответила, и правильно сделала.

Я откинула голову к стене и закрыла глаза. Перед внутренним взором замелькали картинки: бальный зал, Дэвид с лицом из мрамора, мой собственный голос, несущий чушь про сожжённые деревни. Потом коридоры замка, лорд Эрроувуд с ключом, кухня, ведро, пустой переулок.

Руки упали на колени. Я машинально повернула левую руку ладонью вверх и уставилась на внутреннюю сторону запястья. Там, под тонкой бледной кожей, просвечивали голубые вены. Место было пустым — ни чернил, ни рисунка, ничего.

В старой жизни я рисовала на этом месте руну Совило. Символ солнца, ясности, победы.

Я макнула палец в засохшую чернильницу, и начала рисовать на запястье руну.

Я рисовала её перед экзаменами в университете, перед собеседованиями на работу, перед первым свиданием с парнем. Это никогда не работало. Но я всё равно рисовала, потому что процесс успокаивал.

На этот раз линия засветилась.

Золотистый свет вспыхнул под моим пальцем, как будто я зажгла спичку под кожей. Я отдёрнула руку, но свет не погас — он горел ровно, без мерцания, заливая запястье тёплым сиянием. Контуры руны проступили чётко, будто их выжгли тонким инструментом. Кожа не болела, но ощущение было странным — лёгкое покалывание, как от мурашек, только глубже, под самой костью.

Я уставилась на руну, раскрыв рот.

Усталость исчезла за одну секунду. Глаза перестали слезиться, дышать стало легко, и тупая боль в спине, которая мучила меня с утра, растворилась без следа. Вместо этого в груди разлилась холодная, кристально чистая решимость, спокойная уверенность, будто я держу в руках карту с проложенным маршрутом.

Я медленно поднялась на ноги. Пол больше не казался холодным, воздух — спёртым, а лавка — безнадёжной дырой. Я посмотрела на своё запястье руна всё ещё горела, но уже слабее, переходя в тёплое мерцание.

Десять лет я чертила эти символы на дверных косяках, на кошельках, на внутренней стороне ладони. Десять лет это не работало. И вот я в мире, где руны — это реальная сила. Я поднялась на ноги.

И в этот момент что-то щёлкнуло.

Звук пришёл из-под прилавка. Я наклонилась и заглянула в щель между полом и днищем. Раньше там была просто темнота, но теперь я увидела свет — тонкую золотую нить, пробивающуюся из стыка досок.

Я просунула пальцы в щель и поддела доску. Под доской оказалось углубление, а в нем лежала книга.

Это был дневник. Кожаная обложка, тёмно-коричневая, потёртая на углах. На лицевой стороне выжжена руна.

Я узнала её сразу — Одал. Наследие, дом, родовое достояние. Две линии, соединённые в ромб, с ножками вниз. Символ был выжжен глубоко, с чёткими краями, без следов копоти.

Я открыла дневник. Пальцы дрожали, но не от усталости — от того, что я видела на следующих листах. Схемы. Рисунки рун. Десятки рун, которые я знала наизусть.

Я села на край прилавка, положив дневник на колени, и принялась листать дальше, уже не останавливаясь.

«Руны — древний язык, на котором говорила сама ткань реальности. Каждая руна — буква, слово и целое предложение одновременно. Чтобы использовать руну, не нужно иметь магический резерв. Нужно понимать её значение. Сейчас значения рун утрачены, но я на пути к расшифровке».

Я подняла глаза от страницы и посмотрела на своё запястье. Руна Совило уже почти погасла, оставив на коже едва заметный золотистый след, похожий на старый шрам.

Я перелистнула ещё несколько страниц. В середине дневника почерк становился более торопливым.

«Я близка к расшифровке комбинаций. Одиночные руны дают слабый эффект, но, если связать их в вязь — мощность возрастает в десятки раз. Вчера я начертила на стене подсобки связку из трёх рун: Альгиз (защита), Тейваз (воин) и Одал (дом). Стена светилась три часа. Я не смогла её разрушить даже заклинанием пятого круга. Это переворот. Если я смогу воссоздать древние вязи, то...»

Дальше текст обрывался.

Оказывается, мать Лианы занималась восстановлением утраченных знаний о рунах

У меня не было ничего, кроме этого дневника, дохлых мышей, старого чайника и работающей руны на запястье.

Но этого, кажется, должно было хватить.

Глава 4. Уборка и неожиданный персонал

Руна на запястье погасла окончательно, оставив после себя чувство бодрости, граничащее с эйфорией. Я спрыгнула с прилавка. Эйфория — это, конечно, хорошо, но дохлые мыши от неё не рассосутся. Я оглядела лавку.

Пыль лежала слоем в палец на каждой горизонтальной поверхности. Паутина свисала с потолка гирляндами. В углу, за манекеном, темнело пятно, которое я не хотела идентифицировать.

Мне нужен был фартук.

Подсобка нашлась за дверью справа от прилавка. Я толкнула дверь плечом — она заскрипела и открылась в тесное помещение без окон. На стенах висели связки трав, похожие на высохшие веники. На полках — банки с надписями «Не нюхать» и «Только для срочных случаев». В углу стоял таз с мутной водой, а на гвозде, вбитом в косяк, висел фартук. Тёмно-серый, из грубой ткани, с пятнами, которые при ближайшем рассмотрении оказались бордовыми. Я понюхала. Пахло железом. Я решила не думать об этом.

Фартук завязался на талии. Ведро нашлось под столом, метла — за дверью, прислонённая к стене. Метла была старой, с обломанными прутьями, но для начала сойдёт.

Я вышла на улицу. Колодец виднелся в двадцати метрах, на крошечной площади, где сходились три переулка.

Я зашагала к нему, постукивая ведром по колену. На площади уже толклись люди — женщина с корзиной, двое мужчин в засаленных куртках, старик, чинивший телегу. Они скользнули по мне взглядами и отвернулись. Я опустила ведро в колодец, накрутила на ворот, вытянула полное.

Кто-то окликнул меня. Я подняла голову. Пожилой мужчина в засаленном камзоле смотрел на меня с жалостью.

— Держи, милая, купи хлеба, — сказал он, дал мне медную монету и пошёл дальше.

Я посмотрела на своё серое платье, фартук с бордовыми пятнами и ведро. Видимо, образ нищенки удался на все сто. Медяк я сунула в карман — лишним не будет.

Вернувшись в лавку, я вылила воду в чан у стены, взяла тряпку и принялась за работу.

Я протёрла столешницу прилавка. Дерево под грязью оказалось тёмным. Метла прошлась по полу, сгребая в кучу пыль, осколки, гвозди, засохшие клочья неизвестно чего. Я подмела под стеллажами и нашла ещё четырёх дохлых мышей.

К полудню лавка перестала быть эпически грязной. Она стала просто грязной. Пол был серым, витрины — мутными, а воздух всё ещё пах сыростью и дохлятиной.

Я подошла к манекену и заглянула ему за спину. Там, на полу, за грудой коробок, стояла банка с надписью «Осторожно, не открывать». Внутри плескалась фиолетовая жидкость.

— Не открывать, значит, — сказала я и открутила крышку.

Фиолетовый дым вырвался наружу с шипением, как у сбежавшей кастрюли. Он не разлетелся в стороны, а собрался в плотное облако прямо перед моим лицом. Облако задрожало, и из него проступило знакомое лицо. Брыли, маленькие глазки, усики, жирный подбородок.

Сергей Викторович, мой начальник из прошлой жизни. Облако захохотало голосом, от которого у меня заныли зубы, и сложило губы трубочкой.

— Опять опоздала, дорогуша, — произнёс дым голосом моего бывшего босса. — Опять отчёт не сдала. Опять кофе не сварила.

Я стояла с банкой в руках и смотрела, как фиолетовый Сергей Викторович, который когда-то заставил меня переделывать отчёт семь раз, потому что у него было плохое настроение плавает в воздухе, подмигивает мне и хохочет. Он пролетел через всю лавку, оставляя за собой шлейф фиолетового дыма, и начал кружить вокруг манекена.

— Вам бы подумать о карьерном росте, — сказал дым голосом начальника. — А не о всякой ерунде.

Дым хохотал полчаса. Он менял выражения лица, но суть оставалась одной — глумливое, самодовольное веселье. Я попробовала задуть его — без толку. Попробовала накрыть тряпкой — дым прошёл сквозь ткань.

— Да пошёл ты, Сергей Викторович! — заорала я в потолок.

Дым дёрнулся, сложился в гримасу удивления и начал выветриваться. Медленно, с неохотой, но ушел. Через минуту от облака остался только фиолетовый след на стене, похожий на плесень.

Я закрыла банку пробкой и убрала её под прилавок, от греха подальше.

Я решила, что своими силами убираться буду вечность. Я же знаю руны, которые прекрасно подойдут для такой ситуации.

Беркана.

Рост, очищение, восстановление. Одна из базовых рун, простая, как палка.

Я взяла уголёк из холодного очага в подсобке, вернулась в центр лавки и начертила Беркану на дощатом полу. Линия получилась кривой, но узнаваемой. Я замерла, глядя на уголёк.

Сначала ничего не произошло. Потом уголёк слабо засветился зелёным. Я отступила на шаг. Пол под ногами начал вибрировать. Грязь на досках стала бледнеть, светлеть, исчезая.

И тут пол запел.

Прилипчивая, дурацкая мелодия, похожая на ту, что играет в супермаркетах перед закрытием. Пол продолжал очищаться, но теперь в такт мелодии.

Пол пел про то, как хорошо быть чистым, и повторял одну и ту же фразу: «Моем-моем-вытираем, грязь-пыль-мы-убираем». На четвёртом повторе я захотела выдрать себе уши.

Я зажала уши ладонями, но мелодия проникала сквозь пальцы. Пол светился зелёным, пыль втягивалась в щели, а воздух в лавке начал пахнуть огурцами.

Песня прекратилась ровно через полчаса. Пол перестал светиться, пыль исчезла, но доски стали влажными, как будто их только что помыли. Воздух всё ещё пах огурцами.

Вторую попытку я решила провести на улице, чтобы не рисковать лавкой. Задняя дверь вела в узкий переулок, заваленный досками и битым кирпичом. Там стояла старая бочка для

дождевой воды, наполовину полная мутной жижи. Я нашла в подсобке кусок мела, присела на корточки и начертила на кирпичной стене руну Лагуз.

Поток. Вода. Очищение водой.

Я отступила на шаг, ожидая, что бочка наполнится. Вместо этого из стены ударила струя ледяной воды. Я едва успела отскочить. Вода била фонтаном, заливая переулок, бочку, мои ботинки. Я вскочила, подбежала к стене и замазала руну грязью прямо пальцами. Свечение погасло. Вода перестала течь.

Бочка наполнилась за три секунды. В переулке стояла лужа по щиколотку. Я вылила из ботинок воду и вернулась в лавку, мокрая, злая и с новым знанием: одиночные руны — это очень непредсказуемо. Работает, но криво.

Мне нужна была вязь рун. Комбинация.

Я начертила на чистом полу треугольник. В вершины вписала руны. Беркана — слева, Совило — справа, Иса — внизу.

Мел засветился золотом.

Свет пополз по линиям, соединяя руны в единое целое, и пол под моими ногами начал пульсировать.

Пыль на досках задрожала, отделяясь от дерева тонкой серой плёнкой. Плёнка свернулась в шарики, и каждый шарик покатился к выходной двери. Шарики выкатывались на улицу, перекатывались через порог и рассыпались на мостовой мелкой пылью.

С витрин грязь потекла вниз. Грязь стекала на пол, с пола сворачивалась в те же шарики и выкатывалась за дверь. Стекла стали как новенькие, трещины и пустые места исчезли.

Воздух в лавке стал холодным и чистым — как после грозы. Исчез запах сырости, плесени, дохлых мышей. Даже огуречный аромат выветрился.

Я выпрямилась. Пол блестел. Стеллажи больше не выглядели как место для хранения мусора. Витрины стали целыми и прозрачными. В углу, где раньше темнело пятно, теперь была чистая доска.

И тут я услышала скрип.

Я повернулась. Манекен с оторванной левой рукой стоял в метре от меня. Я не слышала, как он двигался. Он просто оказался там, где секунду назад было пусто.

Я попятилась к прилавку. Манекен сделал второй шаг. Его деревянное лицо — грубо вырезанные глаза, нос, линия рта — не выражало ничего, но он явно смотрел на меня. Он подошёл к метле, которую я бросила у двери, наклонился, поднял её и протянул мне.

Я взяла метлу. Манекен выпрямился, развернулся и замер, уставившись пустыми глазницами на дверь, заложив за спину целую руку.

Поза — как у старого дворецкого, который ждёт распоряжений.

Я усмехнулась.

— Ты теперь мой дворецкий, — сказала я, сжимая метлу. — Будешь Дворецким.

Манекен качнулся. Один раз, едва заметно. Я решила считать это кивком.

Глава 5. Красный — мой новый любимый цвет

Я поднялась, подошла к витрине и посмотрела в стекло.

Пепельно-русые волосы, серые глаза, бледное лицо с тонкими губами и веснушками на переносице. Если останусь в этом теле, меня поймают на второй же день. Дэвид Дьемар — дракон с памятью на лица и обидчивостью на грани патологии. Стражники уже ищут опозоренную невесту. Внешность Лианы как красная тряпка для быка. Точнее, для дракона.

— Нет, — сказала я своему отражению. — Так не пойдёт.

Я нашла в подсобке кусок пергамента и уголёк. Села на пол, прислонившись спиной к прилавку, и принялась чертить. Треугольник — как вчера, когда я убирала лавку. Между рунами провела соединительные линии.

Я закончила чертёж, но сразу пробовать на себе не стала. Вчерашний опыт с полом, который полчаса пел про уборку, и с фонтаном из стены научил меня одному: сначала проверять на ком-то другом.

Кот нашёлся во дворе у задней двери.

Он сидел на пороге, поджав переднюю лапу, и сверлил меня взглядом жёлтых глаз. Тощий, грязно-серый, с левым ухом, разорванным надвое. Шерсть торчала клочьями, а хвост был облезлый, как старая кисть.

— Ты идеален, — сказала я и затащила кота в лавку.

Кот не сопротивлялся. Он прошёл к прилавку, запрыгнул на стул с отбитой ножкой и уставился на меня.

Тут я сделала ошибку. Я решила добавить еще руну для устойчивости результата. Вписала в центр Ансуз, руну постоянства, а рядышком Кеназ, огонь, для яркости. Получилось четыре руны вместо трёх. Уголёк скользнул по пергаменту, и я подумала: «А почему бы и нет?»

Кот чихнул.

— Сейчас, дружок, будет весело.

Я приложила пергамент к его лбу. Три секунды ничего не происходило. Потом кот чихнул снова, и из ноздрей вырвались искры.

Первой изменилась шерсть. Серая, мышиная, она начала наливаться алым — от корней к кончикам. Я отступила на шаг. Кот мяукнул, и его голос прозвучал на октаву выше. Тело сжалось.

Я попятилась к прилавку.

На стуле сидел дракончик. Двадцать сантиметров от носа до хвоста, красный, с чешуёй, блестящей как начищенная медь. Без крыльев. Глаза жёлтые, с вертикальными зрачками. Из пасти вырвался дым — серый, едкий, с запахом жжёной серы. Дракончик кашлянул, и из ноздрей вылетели две маленькие искры. Они упали на дощатый пол и зашипели, оставляя чёрные точки.

Дым ударил мне в лицо. Я закашлялась.

— Твою мать, — прошептала я, вытирая слёзы.

Я схватила дневник, лихорадочно перелистывая страницы. Нашла раздел «Отмена эффектов» — мелкий почерк, зачёркнутые формулы. Там было одно предложение: «Рунические изменения с рунами постоянства обратного хода не имеют. Только ждать рассеивания или применять новую вязь поверх старой с риском наложения».

Я посмотрела на дракончика. Чешуя переливалась в свете из окна. Выглядело эффектно. Бесполезно, но эффектно.

— Ладно, — сказала я. — Ты теперь живёшь здесь.

Кот моргнул. Видимо, его собственное превращение не обрадовало. Он спрыгнул со стула, но лапы не рассчитали высоту — грохнулся на пол, проехался мордой по доскам и влетел в стеллаж с коробками.

Коробки полетели в разные стороны. Одна из них — с надписью «Осторожно, светится» — упала на пол и треснула. Из щели полез зелёный дым. Дракончик запаниковал. Он носился по лавке, сшибая всё на своём пути: банки, стулья, манекена, который стоял у двери и не успел увернуться. Дворецкий упал лицом вниз, откатился к стене. Кот проскочил между ножек прилавка, задел мою лодыжку и вылетел в открытую дверь на улицу.

Я осталась стоять с пергаментом в руках, глядя, как красный силуэт исчезает в переулке. Через секунду оттуда донесся женский крик и звон разбитого горшка.

— Прости, — сказала я в пустоту.

Я подняла Дворецкого. Манекен не пострадал, только на щеке появилась свежая царапина. Я прислонила его к стене, и он тут же сложил руки на груди, будто ничего не случилось.

Вторую попытку я решила проводить с умом. Нашла в углу крысу.

Я нарисовала на новом клочке пергамента точную вязь: Альгиз, Соулу, Лагуз, приложила к крысиному лбу.

Крыса пискнула. Шерсть изменилась первой, стала красной, такой же яркой, как у кота-дракончика. Размер не изменился. Тело осталось крысиным. Глаза из чёрных стали зелёными. Крыса посмотрела на меня, чихнула (без дыма) и села на задние лапы.

Через минуту крыса вернулась в свое обычное состояние.

— Уже лучше, — сказала я.

Я села на пол в центре лавки. На тыльную сторону левой ладони я нарисовала углём три руны.

Жар пошёл от ладони вверх по руке, к плечу, к шее, к лицу. Я зажмурилась. Потом добавился холод на голове.

Волосы зашевелились. Я открыла глаза и увидела, как пряди падают на плечи — длинные, тяжёлые, красные. Того же оттенка, что у кота-дракончика и у крысы. Волосы доставали до талии.

Я посмотрела в зеркало. Глаза из серых превратились в зелёные — яркие, с золотыми искрами в радужке. Веснушки исчезли. Скулы поднялись выше, губы налились, став полнее, а линия подбородка стала острее. Если раньше я была Лианой Морай, то теперь я выглядела как её дальняя родственница.

Я коснулась пальцами лица. Кожа была гладкой, тёплой, живой. Я нажала на скулу, почувствовала кость.

За окном смеркалось. Я посмотрела на чистое стекло, на блестящий пол, на манекена с метлой и подумала, что сегодня точно заслужила ужин. Кошелёк с монетами лежал на прилавке. Медяк, который кинул мне мужчина у колодца, я положила рядом.

— Дворецкий, — сказала я. — Присмотри за лавкой.

Манекен не шевельнулся. Но когда я вышла за дверь и обернулась, он стоял у витрины, глядя пустым деревянным лицом на улицу.

Я накинула плащ и вышла на улицу.

Рынок Нижнего города находился в десяти минутах ходьбы от лавки. Я шла по мостовой, стараясь держаться теневой стороны. Серое платье и капюшон делали меня невидимкой, никто не смотрел, никто не окликал. Только один раз мальчишка с корзиной яблок бросил мне вслед: «Эй, красная, не хочешь яблочко за монету?» Я не ответила.

Рынок гудел. Дюжина рядов из деревянных лотков и навесов, под которыми торговали мясом, зеленью, тряпками и чем-то, что я не решилась рассматривать. Воздух пах луком, рыбой и горячим хлебом. У входа стоял тощий мужчина с телегой, полной тщедушных кур, и орал: «Куры! Свежие!»

У первого же лотка я купила мешок крупы, немного валеного мяса, буханку хлеба и кусок сыра. Заплатила десять медяков.

Платья продавались в конце рынка, где пахло шерстью. Я подошла, потрогала материал развешенных платьев.

Шерсть немного колола пальцы, но была плотной, добротной.

— Два серебряных за оба, — сказал продавец, мужик с седой бородой. — И нижнее дам в придачу.

Я дала монеты. Мужик завернул платья в холстину и сунул мне под мышку. Отдельно протянул свёрток — две пары белья из тонкого льна.

Я уже собиралась уходить, когда услышала голоса у фонтана.

На скамейке сидели трое: женщина с корзиной яиц, мужчина с красным носом и худая девка в чепце. Они говорили громко, не стесняясь.

— Слышали про невесту ректора? — спросила женщина, перекладывая яйца. — Говорят, её в подземелье бросили. Крыс теперь ест, бедная.

— Врёшь, — сказал мужчина. — Я слышал, сбежала она. С виконтом-оборотнем. Вместе ускакали в закат.

— Какой оборотень? Ты бредишь.

— А вот такой. У них там, в замке, каждый второй — кто дракон, кто волк. Сами не знают, кем проснутся после завтрака.

Девка в чепце хихикнула.

Я медленно прошла мимо, делая вид, что рассматриваю лоток с ремнями.

— А в Академии-то что творится, — продолжил мужчина, понизив голос. — Слышали, магистра убили. Иллюзиониста этого, как его...

— Фелвин, — сказала женщина. — Магистр Фелвин. Говорят, в заброшенной лаборатории нашли.

Мужчина кивнул.

— Странные символы рядом с телом нарисованы. Стражники ничего не понимают, ректор Дьемар в бешенстве, Академию сейчас прочёсывают. Каждого студента допрашивают.

Девка в чепце перекрестилась.

— Говорят, он был хорошим человеком. Жену оставил, деток...

— Каких деток? — мужчина махнул рукой. — Бездетный он был. Ты слушай сначала, а потом крестись.

Я отошла от фонтана, крепче сжимая мешок с покупками. В голове зашумело.

Магистр иллюзий. В книге его не убивали. В романе «Пламя и лёд драконьего сердца» на этом месте погибал второстепенный магистр боевых искусств. А здесь — тело в лаборатории, символы, Дэвид в бешенстве. Сюжет ушёл в сторону. Почему?

Я остановилась у лотка с зеленью, взяла в руки пучок петрушки, делая вид, что выбираю. Большая круглая торговка смотрела на меня без интереса.

— Скажите, — спросила я негромко. — В городе есть артефакторы? Ну, чтобы амулет купить или заказ сделать?

Торговка скривилась.

— Есть один. Силенций его зовут. За амулет от крыс три золотых просит, и не работает он. А больше никто не делает. У нас артефакторами и не пахнет со времён, как Морай пропала.

Я положила петрушку обратно.

— А чего люди обычно просят?

— Да кому что, — торговка зевнула, прикрывая рот ладонью. — Кому ловец снов, кому оберег от порчи, кому амулет, чтоб капуста не гнила. А Силенций цену заламывает и плевать хотел. Скатертью дорога, говорит, если не нравится.

Я кивнула, поблагодарила и пошла к выходу с рынка. Мешок с едой и платьями оттягивал плечо.

В голове уже выстраивался план. У меня есть дневник матери. Есть работающие руны. Есть лавка, пусть и разгромленная. И есть город, где единственный артефактор дерёт втридорога и не умеет делать нормальные вещи.

Я вышла на мостовую и повернула к лавке.

Глава 6. Неон, амулеты

Я проснулась от того, что кто-то смотрел на меня.

Я лежала на старом тюфяке в подсобке лавки, набитом чем-то сухим и колючим. Спина затекла, шея не поворачивалась, а во рту было такое ощущение, будто там переночевала кошка. И не одна.

В дверном проёме стоял Дворецкий. С метлой. И смотрел на меня пустыми деревянными глазницами.

— Доброе утро, — прохрипела я.

Манекен не ответил. Я начала подозревать, что он простоял так всю ночь.

Я посмотрела на тыльную сторону левой ладони. Руны, нанесённые углём вчера вечером, побледнели, превратились в серые разводы. Взглянула в треснутое зеркало на стене.

Красные волосы на месте, хоть и потускнели. А вот глаза...

Я наклонилась ближе к осколку стекла. Мои вчерашние зелёные глаза с золотыми искрами стали серыми.

Руническая маскировка требовала обновления.

Я вытащила из кармана плаща кусок угля, наскребла на пергаменте чёткие линии — те же три руны, что и вчера: Альгиз, Соулу, Лагуз. Приложила к ладони, вдавила кожей в бумагу.

Жар пошёл от запястья к плечу, от плеча к лицу.

Я поднялась на ноги, одёрнула платье. Дворецкий протянул мне метлу.

— Спасибо, но уборка вчера была, — сказала я. — Сегодня — завтрак.

Завтрак нашёлся в мешке, оставшемся со вчерашнего рынка. Кусок хлеба, уже чуть зачерствевший, горсть вяленого мяса и твёрдый сыр. Я сидела на прилавке, болтая ногами, и жевала, периодически откусывая от краюхи.

Дневник матери лежал рядом. Я взяла его, перелистывая страницы.

«Спрос на артефакты в Нижнем городе высок, но предложение отсутствует», — писала Элинор аккуратным почерком. — «Силенций, единственный артефактор, заламывает цены, а качество оставляет желать лучшего. Я могла бы заполнить эту нишу, если бы успела донастроить основную партию. Беда в том, что рунические вязи требуют времени, точности и знаний, а у меня всего этого мало».

Я отложила дневник, допила воду из кружки с отбитым краем и спрыгнула с прилавка.

Заработок. Вот что мне нужно сейчас. Не мечты, не великие планы, а обычные деньги на жизнь.

Я решила начать с того, чтобы понять, какой хлам оставила мне мать в наследство.

— Дворецкий, — сказала я, надевая фартук с бордовыми пятнами. — Помогай.

Манекен отделился от стены, подошёл к ближайшему стеллажу и замер в ожидании команд.

— Бери коробку, снимай с полки, ставь на пол.

Дворецкий протянул целую руку, взял верхнюю коробку — деревянную, с облупившейся краской — и аккуратно поставил её к моим ногам. Потом вернулся к стеллажу и замер снова.

— Молодец.

Первые полчаса я просто перебирала коробки. Картонные, деревянные, жестяные — все заклеенные, перевязанные бечёвкой, с надписями, которые заставляли меня то смеяться, то хвататься за сердце.

Амулеты от крыс лежали в деревянном ящике, переложенные соломой. Медные, круглые, с рисунками рун на лицевой стороне. Я взяла один, поднесла к окну. Рисунки были чёткими, красивыми, но... неправильными. И я знала, как их исправить. Нужно было использовать Альгиз — защиту. Беркана привлекает крыс, а не отпугивает.

Следующая коробка — ловцы снов. Серебряные ободья, внутри которых натянута паутина нитей. В центре каждого был камень. Аметист, если я не ошибаюсь.

Я пролистнула дневник до раздела «Ловцы снов».

«Серебряный обод, нити из шёлка, в центре — аметист. Руны наносятся на обод с внутренней стороны. Требуется связка рун…»

Я закрыла дневник.

Третья коробка — обереги для урожая. Деревянные пластинки с выжженными рунами, почерневшие от времени. Трещины по краям, вязь почти стёрлась.

«Использовала комбинацию Феху (богатство) + Йера (цикл, урожай) + Беркана (рост). В теории должно работать. На практике — нет. Пластинки чернеют через неделю, урожай гниёт. Нужна замена Беркане. Может, Ингуз?»

Я положила пластинку обратно. Загадка для другого раза.

Четвёртая коробка — «волшебные» свечи. Толстые, восковые, с рунами на основании. Я попробовала зажечь одну — фитиль дымил, но не горел.

Я выпрямилась, посмотрела на гору бракованного товара. Десятки артефактов, которые Элинор Морай сделала неправильно — из-за спешки, нехватки времени, усталости.

Элинор знала многое, но не всё. В её записях чувствовалась глубина — она восстанавливала утраченные знания, искала древние комбинации, экспериментировала. Но ей не хватало того, что было у меня: десятки лет изучения рун в прошлой жизни. Интернет, где я скачивала сотни схем. Форумы, где люди спорили о правильных комбинациях. Моя собственная одержимость, которая заставляла меня чертить руны по десять раз, пока они не начинали выглядеть правильно.

Я видела ошибки матери. И знала, как их исправить.

— Дворецкий, — сказала я, не оборачиваясь. — Найди мне чернила.

Манекен заскрипел, отходя к стеллажу.

Чернила нашлись в подсобке, в коробке с надписью «Не открывать, взрывается». Я открыла.

Внутри стояли три стеклянных пузырька.

«Специальные чернила для рун, — всплыло в памяти из дневника матери. — После нанесения становятся невидимыми через час-два»

Первый амулет от крыс лежал передо мной. Я перевернула его, нашла взглядом кривые линии Берканы. Глубоко вздохнула.

— Дворецкий, найди что-нибудь острое.

Манекен через минуту вернулся с иглой. Тонкой, серебряной, с ушком на конце. Я обмакнула остриё в чернила и начала перерезать старые линии.

Старые линии Берканы исчезли под слоем чернил.

Амулет загорелся слабым золотым светом.

Я подпрыгнула на месте, едва не уронив чернильницу. Амулет пульсировал — раз, два, три — и свет погас. Но из металла исходило тепло, лёгкое, как от чашки с чаем.

Я подошла к углу лавки, где вчера заметила мышиные следы — маленькие тёмные точки на чистом полу. Положила амулет на пол, отошла на три шага.

Тишина.

— Ну и дурацкая идея, — сказала я.

И в этот момент из щели в плинтусе высунулась мышиная морда.

Крупная, серая, с длинным хвостом. За ней — вторая, помельче.

Мыши пробежали по полу, взвизгнули, проскочили между ног Дворецкого и вылетели в открытую дверь на улицу.

— Успех, — сказала я Дворецкому.

Манекен молча протянул мне следующую заготовку.

Я сделала пять амулетов к полудню. На каждый уходило около пятнадцати минут — аккуратно перерезать чужие ошибки, нанести свою вязь, дождаться активации.

Пятый амулет засветился золотым, и я почувствовала гордость. Такую, какую не чувствовала со времён последней защиты диплома.

Небо за окном стало светлеть, я и не заметила, как прошло время.

— Пора обедать, — сказала я Дворецкому.

Манекен покачнулся (я решила, что это кивок) и отошел к двери.

Я вышла на крыльцо с куском хлеба и сыром, жуя на ходу. Солнце стояло высоко, улица Теней выглядела чуть менее уныло, чем обычно. Прохожие брели мимо, не глядя на лавку.

Витрины лавки были чистыми, стёкла блестели, но сама лавка сливалась с унылой улицей. Серые камни, серая дверь, серая табличка с выцветшими буквами. Никто не зайдёт в лавку, которую не видно.

— Так не пойдёт, — сказала я, жуя. — Мне нужны покупатели.

Я доела хлеб, зашла в лавку, нашла доску. Широкую, сантиметров шестьдесят, из старого дерева.

Я стёрла мел тряпкой.

— Дворецкий, держи.

Манекен взял табличку обеими руками (левой — культей, правой — целой) и поднял на уровень моей груди.

Я макнула кисть в найденные обычные чернила и начала выводить буквы.

«ЛАВКА АРТЕФАКТОВ ЭЛИНОР МОРАЙ».

Каждую букву я обводила вязью рун — тонкой линией, внутри которой прятались Соулу и Ансуз. Буква за буквой, слово за словом. Чернила впитывались в дерево, исчезали, но я знала, что они там.

Через час я закончила. Табличка была готова.

— Активация, — сказала я и коснулась первой буквы кончиком пальца.

Буквы загорелись синим.

Ярко-синим, с лёгким мерцанием, как будто внутри каждой буквы горела маленькая молния. Свет был ровным, но глазам казалось, что он пульсирует — эффект, который я не планировала, но который выглядел потрясающе.

Буквы мерцали, как неоновая вывеска в дешёвом баре, и от них невозможно было отвести взгляд.

Дворецкий даже не моргнул (потому что нечем). Он просто стоял, держа табличку, пока я в восторге ходила вокруг.

— Дворецкий, вынеси на улицу, — сказала я.

Манекен шагнул к двери, повернулся боком, протискивая доску в дверной проём, и вышел на крыльцо. Я последовала за ним.

Синий свет заливал мостовую. Соседние торговцы — владелец лавки с надписью «Рыба и мясо», женщина с лотком пирожков — вышли на порог и уставились на мою вывеску с открытыми ртами.

— Что это? — спросил мужик в засаленном фартуке.

— Магия, — ответила я и улыбнулась самой загадочной улыбкой. — Добро пожаловать в лавку артефактов.

А я стояла на крыльце, смотрела на синие буквы и улыбалась. В старой жизни я работала в маркетинге. Ровно три месяца, пока меня не уволили за то, что я назвала начальника «креативным импотентом». Но кое-чему я там научилась. Например, тому, что без рекламы ты никто.

Дальше я принялась за ловец снов.

Я повертела ловушку в руках. На внутренней стороне обода — там, где серебро соприкасалось с нитями — виднелись остатки рунической вязи.

Я взяла иглу, обмакнула в серебристые чернила, и начала выводить Вуньо рядом и имеющимися рунами.

Я выводила линии медленно, аккуратно, задерживая дыхание.

Чернила ложились на серебро ровно, переливаясь в свете из окна. Вуньо получилась идеальной.

Я закрыла глаза, положила ладонь на ловушку и прошептала — зачем, сама не знаю:

— Лови кошмары, превращай в радость. Да будет так.

Ловушка вспыхнула фиолетовым.

Я отшатнулась, едва не уронив её на пол. Серебряный обод завибрировал, нити внутри натянулись и засветились изнутри, как будто по ним пробежал ток. Аметист в центре пульсировал, и его цвет из пепельно-серого провратился в насыщенно-фиолетовый, с искрами внутри.

Через минуту в лавке запахло лавандой и мёдом.

Я глубоко вдохнула, и напряжение в плечах исчезло. Голова прояснилась, а мысли перестали путаться.

— Чёрт, — прошептала я. — Это работает.

Я положила ловушку на прилавок. Она продолжала пульсировать, и лавандовый аромат становился сильнее.

Дворецкий повернул голову в её сторону. Даже он, кажется, удивился.

Я закрутила колпачок на пузырьке с чернилами, вытерла руки о фартук и посмотрела на дело рук своих. Одна ловушка снов, пять амулетов от крыс, выстроенных на прилавке в ряд.

Теперь их нужно было продать.

Я взяла один амулет, завернула его в клочок чистой бумаги — нашёлся в подсобке, среди старых квитанций — и сунула в карман плаща.

— Дворецкий, — сказала я, застёгивая пуговицы. — Ты остаёшься за главного. Никого не впускай.

Манекен кивнул. Я вышла на улицу.

Рынок гудел как улей. Я прошла мимо лотков с зеленью, мимо мясных рядов, где мужики в окровавленных фартуках рубили туши тяжёлыми ножами, мимо продавцов ткани, которые кричали так, будто их резали.

Вчерашняя женщина стояла на том же месте — круглая, как колобок, в засаленном чепце.

— Здравствуйте, — сказала я, подходя.

Женщина подняла глаза.

— А, красная. Ты та, что в лавке Морай поселилась? Слышала про твою вывеску. Купить чего?

— Мясо почём?

— Свинина — три медяка за фунт, говядина — пять.

Я взяла говядины на три, добавила ещё лука и моркови. Женщина завернула покупки в вощёную бумагу, перевязала бечёвкой.

Я заплатила, сунула свёрток в сумку, которую нашла в лавке, и небрежно спросила:

— Скажите, а у кого на этой улице больше всего крыс?

Женщина поперхнулась воздухом.

— Чего?

— Крысы, — повторила я. — Грызуны. Серые, с хвостами. У кого их много?

Женщина посмотрела на меня, как на сумасшедшую.

— Так у пекаря. Вон туда, в конец улицы, вывеска с кренделем. Эрни уже три месяца жалуется, крысы всю муку сожрали. Он уже месяц воюет с грызунами, Силенцию три золотых отдал за амулет — не помогло. И сыродел рядом — у него они в подвале гнездо свили. И...

— Спасибо, достаточно.

Я развернулась и пошла к пекарне.

Пекарня называлась «Хрустящий колос» — вывеска с кренделем и подпаленными краями. Изнутри пахло хлебом, дрожжами и чем-то сладким. Я толкнула дверь.

Хозяин, толстый мужчина в белом фартуке, с лицом, похожим на печёное яблоко, стоял за прилавком.

— Чего надо? — спросил он, не поднимая головы.

— Могу избавить вас от крыс, — сказала я. — Бесплатно.

Хозяин поднял голову. Глаза у него были маленькие, заплывшие жиром, но в них читался интерес.

— Шутишь?

— Ничуть. У меня есть артефакт, который выгоняет грызунов. Хотите протестировать?

Он помолчал, вытер руки о фартук.

— А если не сработает?

— Тогда вы ничего не теряете.

— А если сработает?

— Тогда закажете у меня ещё партию. Уже платно.

Хозяин усмехнулся, покачал головой, но кивнул.

— Ладно, проходи. Только смотри, не напакости.

Я прошла за прилавок в подсобку. Там было тесно, везде стояли мешки с мукой, бочки с маслом, стеллажи с хлебом.

— Разложите по углам, — сказала я хозяину, протягивая амулеты. — В каждый угол помещения.

Эрни недоверчиво разложил амулеты. Мы вышли и закрыли дверь, оставив щель. Я смотрела на щель и считала про себя.

Прошла минута. Вторая. Хозяин открыл рот, чтобы что-то сказать, но договорить не успел.

Из щели высунулась крысиная морда. Потом вторая. Третья.

Они выбегали из дыры, строились в колонну и маршировали к выходу.

Маршировали. На задних лапах.

Я не шучу. Крысы вставали на задние лапы, передние прижимали к груди и шли гуськом к двери, как маленькие серые солдатики на параде. Их хвосты волочились по полу, издавая шуршащий звук. Впереди бежал здоровенный крыс с отгрызенным ухом и, кажется, командовал.

Хозяин побледнел.

— Что... — прошептал он. — Что это такое?

— Работает, — обрадовалась я.

Крысы продолжали маршировать. Их уже было штук двадцать. Тридцать. Из подсобки они вышли в торговый зал, прошли мимо прилавка, мимо витрины с хлебом и выстроились у входной двери. Первая крыса подпрыгнула, ударила лапами в дверь — та открылась, и колонна двинулась на улицу.

Я выглянула следом.

На тротуаре собралась толпа. Человек десять, не меньше. Они смотрели на марширующих крыс с открытыми ртами, кто-то смеялся, кто-то охал.

— Мать моя женщина! — заорал мужик с телегой. — Это что за чудеса?

— Артефакт нового поколения, — сказала я громко, выходя на крыльцо. — Лавка артефактов Элинор Морай. Улица Теней, дом семь. Амулеты от крыс. Работают гарантированно.

Хозяин пекарни выскочил следом, бледный, как мука.

— Сделайте мне ещё партию! — закричал он, хватая меня за рукав. — Нет, две! И чтобы завтра были! Сколько стоят?

— Два серебряных за штуку, — сказала я. Это было в два раза дешевле, чем у Силенция, но я не жадная.

— Беру восемь штук! — он уже отсчитывал монеты, трясущимися руками.

Крысы тем временем закончили марш и разбежались.

Толпа зааплодировала.

Глава 7. Крысиный бум

Я вернулась в лавку с кошельком, оттягивающим карман плаща, и чувством лёгкого безумия в голове.

Восемь амулетов за раз. Два серебряных за штуку — шестнадцать монет, которые приятно звенели при каждом шаге. Эрни, пекарь, отсчитывал их дрожащими пальцами и бормотал: «Это чудо, это просто чудо, я теперь спать буду спокойно».

— Дворецкий! — крикнула я, влетая в лавку. — Никого не впускать!

Манекен отлепился от стены, развернулся и замер перед дверью, скрестив на груди единственную руку. Второй — культей — он грозно потряс в сторону улицы. Выглядело это примерно как угроза от вешалки, но я решила не придираться.

Я подскочила к прилавку. Амулеты от крыс — те, что остались нетронутыми, — лежали в деревянном ящике, переложенные соломой. Я высыпала их на стол: двадцать штук. Круглые, медные, с чёткими рисунками рун на лицевой стороне.

— Этого мало, — сказала я вслух. — Если покупатели повалят...

Я работала как одержимая. Игла скользила по металлу, перерезая старые линии, чернила ложились поверх, я выводила свои вязи — Альгиз, Соулу, Ансуз. Защита, солнце, сообщение.

Работа закипела.

Второй. Третий. Четвёртый.

За окном начали собираться люди.

Я краем глаза видела их через стекло — тени, мелькающие за витриной, силуэты, толкающиеся у двери. Дворецкий стоял на страже, и ни одна живая душа не могла пройти мимо его деревянного величия.

— А ну отойди, оглобля! — донёсся с улицы грубый голос. — Мне амулет нужен! У меня крысы полдома сожрали!

Манекен не шелохнулся.

— Я сказал, отойди! — голос стал угрожающим. — Я тебя сейчас на дрова пущу!

Я выглянула в окно. Покупателей было человек десять. Мужчины в засаленных куртках, женщины с корзинами, какой-то тощий парень с лицом, похожим на испуганного хорька. Они переминались с ноги на ногу, и периодически тыкали пальцами в сторону Дворецкого.

Дворецкий стоял как скала.

— Ещё минуту! — крикнула я, вытирая пот со лба рукавом. — Заканчиваю!

Пятый амулет засветился. Шестой. Седьмой.

Восьмой. Девятый. На двадцатом я перевела дух.

— Дворецкий! Пускай первого!

Дверь лавки распахнулась с такой силой, что Дворецкий едва успел отскочить. На пороге стояла женщина в засаленном переднике.

— У вас ест амулеты от крыс? — заорала она, не здороваясь.

Я моргнула.

— Эм...

— У меня в подвале их десятки! — женщина влетела в лавку, чуть не сбив прилавок. — Десятки, говорю! Они сожрали всю капусту, все соленья, я уже три месяца воюю! Силенций амулет продал — не работает! Плюнуть бы в этого Силенция!

Она перевела дух и уставилась на меня.

— Это же ты крыс из пекарни выгнала?

Я открыла рот, но женщина не дала мне сказать.

— Дайте мне три штуки! Сколько стоят?

— Два серебряных за штуку, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Дорого, — сказала женщина, но уже отсчитывала монеты. — Но если работает, то не жалко. Только чтобы работали, понятно?

— Гарантирую, — сказала я и протянула ей три амулета.

Женщина схватила их, сунула за пазуху и вылетела из лавки так же быстро, как влетела.

Я посмотрела на Дворецкого. Манекен стоял с метлой и, кажется, был в шоке. Насколько вообще деревянная морда может выражать шок.

До вечера я не успела даже присесть.

Люди шли потоком. Сначала — соседи Эрни, потом — те, кто слышал от соседей, потом — те, кто просто увидел очередь у дверей лавки и решил узнать, в чём дело.

— Мне два амулета!

— Мне три!

Женщина с пирожками прибежала дважды. Первый раз — за амулетом для своей лавки, второй — для дома.

Мужчина с телегой кур купил сразу пять штук — «для всех курятников».

Старуха в рваной шали требовала скидку, потому что «я пенсионерка, у меня семь внуков, и все голодные». Я дала скидку. Потому что семь внуков звучало убедительно.

К вечеру амулеты кончились.

Последний купил тощий парень в засаленной куртке, который сказал: «У нас в таверне крысы такие жирные, что кошки их боятся. Если ваш амулет с ними справится, я приведу к вам хозяина».

Я отдала амулет, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

— Дворецкий, — сказала я, тяжело дыша. — Сколько мы продали?

Манекен стоял у прилавка с метлой и, кажется, считал. По крайней мере, его деревянная голова наклонялась то влево, то вправо, как у метронома.

— Двадцать амулетов, — сказала я сама себе. — По два серебряных...

Я вытащила кошель и высыпала монеты на прилавок. Серебро зазвенело, скатилось на пол, покатилось под стеллажи. Дворецкий кинулся собирать, а я смотрела на кучу монет и пыталась посчитать.

Я взяла одну, поднесла к глазам. На монете был отчеканен дракон — такой же высокомерный, как Дэвид.

Я сунула монету обратно в кошель.

Почти шестьдесят серебряных в сумме. Это очень много, если учесть, что вчера у меня было всего ничего. Но я уже понимала: амулеты от крыс — это не бизнес. Это разовая акция.

Спрос есть, но это товар длительного пользования. Крысы не вернутся как минимум полгода. Значит, те же самые люди не придут ко мне завтра.

Мне нужен был другой товар.

Я прошлась по лавке, перебирая оставшиеся коробки. Обереги для урожая — не сезон. Амулеты для капусты — кому они сейчас нужны? Защитные круги от порчи — это хорошо, но сложно. Ловцы снов...

Я остановилась.

Ловцы снов.

А что, если сделать их не просто защитными, а... активными? Чтобы они не отгоняли кошмары, а превращали их во что-то приятное?Я взяла иглу, обмакнула в серебристые чернила и начала выводить руны на внутренней стороне обода.

Вуньо я добавила в прошлый раз. Теперь же я нарисовала Лагуз — поток, чтобы сны текли плавно. И Ансуз — сообщение, чтобы связь между сном и реальностью была крепкой.

Ловец снов вспыхнул фиолетовым.

Аметист в центре засветился сначала тускло, потом ярче, потом так, что пришлось зажмуриться. Когда я открыла глаза, камень был прозрачным, внутри него плавали золотые искры, похожие на звёзды.

Я повесила ловец на крючок у прилавка и принялась за следующий.

К полуночи все десять ловцов были готовы. Они висели на стене, переливаясь фиолетовым, и в лавке пахло так, будто я открыла парфюмерную лавку.

Дворецкий стоял посреди комнаты и, кажется, дремал. По крайней мере, его деревянная голова опустилась на грудь, а из щелей в суставах вылетали маленькие стружки.

Я легла на тюфяк в подсобке, накрылась плащом и закрыла глаза.

Глава 8. Реклама и ловцы снов

Я уже открыла лавку ранним утром, когда дверь скрипнула.

Вошла пожилая женщина. Седая, в чёрном платье до пят, с лицом, изрезанным морщинами как старая карта. За её юбку цеплялась девочка лет семи — тощая, с огромными глазами и тёмными кругами под ними.

— Доброе утро, — сказала женщина тихо.

— Доброе, — я встала из-за прилавка. — Чем могу помочь?

Женщина вздохнула. Положила руку на плечо девочки, которая смотрела в пол и не поднимала глаз.

— Это моя внучка, Лилли. Кошмары каждую ночь. Три месяца уже. Ничего не помогает. Ни зелья, ни заговоры. Силенций продал нам защитный амулет за пять серебряных, но он не работает. Я уже не знаю, куда идти. Соседка сказала, здесь новый артефактор появился...

— Лилли, — сказала я мягко. — Ты боишься спать?

Девочка подняла на меня глаза. В них было столько усталости, сколько не бывает у взрослых.

— Там дракон, — прошептала она. — Большой дракон. Он приходит каждую ночь. Он хочет меня съесть.

У меня внутри что-то ёкнуло. Дракон. Конечно. В мире, где драконы могут сжечь деревню, дети видят в кошмарах именно их.

— А если я скажу, что могу подарить тебе сон без дракона? — спросила я.

Глаза девочки моргнули.

— Как?

Я пошла к стене, сняла один ловец снов. Это был самый красивый из всех, с аметистом, который переливался золотыми искрами, и нитями, которые звенели при каждом движении.

— Это ловушка для снов, — сказала я, протягивая его Лилли. — Она будет ловить всех драконов, которые захотят к тебе прийти. А вместо них она будет делать хорошие сны. Про конфеты, про щенков, про то, как ты летаешь над облаками.

Девочка взяла ловец дрожащими пальцами.

— Правда?

— Правда, — сказала я.

— Сколько мы должны? — спросила бабушка, вытаскивая из кармана узелок с монетами.

— Бесплатно, — сказала я.

Женщина замерла.

— Что?

— Бесплатно, — повторила я. — Но вы сделаете кое-что взамен. Расскажите соседям, родственникам.

Женщина прижала девочку к себе и принялась благодарить так громко, что Дворецкий сделал шаг назад.

Я проводила их до двери, пообещав, что если ловец не поможет, пусть приходят обратно, я сделаю новый.

Они ушли.

Я вернулась в лавку, села за прилавок и начала приводить в порядок оставшиеся ловцы.

Дверь снова скрипнула.

— Извините...

Я подняла голову.

На пороге стояла девушка лет девятнадцати, в мантии Академии магии — тёмно-синей, с нашивками на рукавах. Светлые волосы собраны в хвост, на носу очки в круглой оправе. В руках у нее была стопка книг, перевязанная ремнём.

— Я искала пекарню, — сказала она, оглядывая лавку. — А вывеска у вас яркая, я и зашла... — она замолчала и уставилась на ловцы снов. — Ого. А это что?

— Ловцы снов, — сказала я, снимая один с крючка. — Превращают кошмары в хорошие сны. Хотите попробовать?

Студентка покраснела.

— Я... я не знаю. У меня завтра экзамен по теории иллюзий, а я ничего не помню. Я всю ночь не спала, учила, но в голове каша...

Я посмотрела на неё. На тёмные круги под глазами, на дрожащие руки, на книги, которые она сжимала так, будто они были её единственным спасением.

— Садитесь, — сказала я, указывая на стул. — Расскажите.

Студентка села, положила книги на колени. Я села напротив.

— Как вас зовут?

— Мира, — сказала девушка. — Мира Стоун. Я на втором курсе факультета прикладной магии.

— Мира, — повторила я. — У меня к вам предложение.

Она подняла глаза.

— Я дам вам этот ловец снов. Бесплатно. Вы повесите его в своей комнате, будете спать спокойно и просыпаться отдохнувшей. А взамен вы расскажете о нём своим однокурсникам.

Мира моргнула.

— Это всё?

— Почти. — Я улыбнулась. — Я хочу знать, что ещё нужно студентам. Какие артефакты были бы полезны? Что вы бы купили, если бы у вас были деньги?

Девушка задумалась. Её пальцы теребили край мантии.

— Артефакт для памяти, — сказала она наконец. — Чтобы запоминать всё с первого раза. Мы таких не видели со второго курса. Говорят, раньше делали, но мастер умер, а секрет забрал с собой.

Я кивнула, запоминая.

— Ещё? — спросила я.

— Артефакт для концентрации. Чтобы не отвлекаться на лекциях. У нас половина курса не может усидеть на месте, особенно после обеда.

— Понятно.

— И... — Мира покраснела ещё сильнее. — Для сна. Чтобы быстро засыпать. У многих экзамены, все нервничают, пьют успокоительные настойки, но они не помогают. Еще можно от головной боли…

Я взяла пергамент, записала.

— Сделаю, — сказала я.

Мира посмотрела на меня с недоверием.

— Вы правда можете?

— Могу.

Я подалась вперёд.

— Вот что, Мира. Я сделаю для вас артефакт для памяти. Бесплатно. Но вы принесёте мне старые учебники по артефакторике, по основам магии. Всё, что найдёте. Я должна учиться, если хочу делать нормальные артефакты.

Мира смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Вы... вы не учились магии?

— Долгая история, — сказала я. — Короткая версия: я умею делать такие артефакты, но не знаю теории обычной магии. Мне нужно наверстать.

Девушка помолчала, потом кивнула.

— Хорошо. Я принесу.

— Идеально.

Я протянула ей ловец снов. Мира взяла его, и аметист в центре вспыхнул золотом.

Мира ушла.

Учебники, которые обещала принести Мира, могли бы стать ключом к пониманию этого мира.

Я уже начала клевать носом, когда снова услышала скрип.

Дверь лавки отворилась.

Я подняла голову.

На пороге стоял кот.

Точнее, не кот. Красный дракончик — двадцать сантиметров от носа до хвоста, чешуя блестит, жёлтые глаза с вертикальными зрачками горят в полумраке. Из пасти вьётся дым.

Он был грязный. Весь в пыли, с прилипшими к морде сухими листьями и маленькой веточкой. Один ус обгорел. И от него пахло — о боги — жареным.

Дракончик посмотрел на меня, чихнул, выронив из ноздрей две искры.

— Привет, — сказала я. — Гулял?

Дракончик фыркнул, выпустив струйку дыма.

— Выглядишь так, будто ночевал в трубе, — продолжила я. — И в драке участвовал. С кем?

Дракончик встал, отряхнулся — пыль полетела во все стороны — и прошествовал к прилавку с видом человека, который вернулся в собственный дом после долгой командировки и теперь ждёт, что ему подадут ужин.

Я вздохнула, встала, налила в блюдце воды и поставила перед ним. Дракончик посмотрел на блюдце, на меня, потом на блюдце. И начал пить.

— Ладно, — сказала я. — Живи пока тут. Но если ещё раз сбежишь и подожжёшь чей-нибудь дом, я сделаю из тебя чучело.

Дракончик поднял голову, посмотрел на меня с таким видом, будто я сказала что-то оскорбительное, и снова уткнулся носом в блюдце.

Глава 9. Бизнес-план для попаданки

Утром я открыла глаза и увидела перед собой чешуйчатую морду с закрытыми глазами и дымящимися ноздрями. Каждый выдох сопровождался крошечной струйкой серого дыма, который поднимался к потолку и рассеивался там.

— Ты, — сказала я, — наглое маленькое создание.

Дракончик приоткрыл один глаз, посмотрел на меня с выражением «да, и что ты сделаешь?», и снова закрыл.

Я вытащила подушку из-под него, стряхнула кота на пол и пошла умываться. В тазу с водой, оставленном со вчерашнего дня, плавала дохлая муха. Я выловила её, умылась, наскребла углём свежую вязь на тыльной стороне ладони — Альгиз, Соулу, Лагуз — и почувствовала, как усталость отступает.

Красные волосы, зелёные глаза — маскировка снова на месте.

Дворецкий уже стоял у прилавка, держа в руке метлу. Я не просила его это делать, но он, видимо, решил, что в лавке должно быть чисто. Или ему просто нравилось стоять с метлой. Я не спрашивала.

— Доброе утро, — сказала я.

Манекен кивнул.

Я налила себе кружку воды, отломила кусок хлеба и села за прилавок. Захотелось горячего чая, но в лавке не было даже нормальной печи — только каменный очаг в подсобке

Сегодня предстояло много дел.

Первым делом я решила пополнить запасы заготовок.

Вчерашний успех с амулетами от крыс показал, что медные диски нужны в первую очередь.

Медь нашлась у старьёвщика на задворках рынка.

— Медные диски, — сказала я, разглядывая его товар. — Круглые, тонкие, диаметром с ладонь.

Старьёвщик — сморщенный, с жидкой седой бородой — порылся в ящике и выложил передо мной десяток блестящих пластин.

— Почем?

— Медь нынче дорогая, — прошамкал он. — По три медяка за штуку.

— Два, — сказала я.

Спорили мы недолго. Я забрала двадцать дисков по два с половиной медяка и ушла, оставив старика бормотать вслед, что «молодёжь совсем обнаглела».

Серебро продавалось в лавке ювелира на соседней улице. Там пахло металлом и чем-то химическим. За прилавком стоял тощий мужчина в засаленном переднике с лупой на лбу.

— Серебряные ободья, — сказала я. — Для ловцов снов. Диаметр — как тарелка для супа. Толщина — с ноготь.

Ювелир смерил меня взглядом.

— Десять штук есть. Один серебряный за штуку.

Я присвистнула.

— Дорого.

— Серебро дорогое, — он пожал плечами. — И чистое, не лигатура. Можете проверить.

Я проверила. Ободья были хорошими — гладкими, блестящими, без трещин и заусенцев. Я торговалась еще минут пять, и забрала все десять.

Деревянные пластинки для оберегов урожая нашлись у столяра на окраине рынка. Он отдал мне двадцать штук за пять медяков — из обрезков, с сучками и трещинами, но это не имело значения.

Каждый материал был не просто так.

Медь лучше всего подходит для амулетов. Элинор писала об этом в дневнике: медь проводит руническую энергию равномерно, не искажая её, как это делают благородные металлы. Серебро — для другого, для связи с миром снов. Благородный металл отгоняет тёмные сущности. Нити из натурального шёлка в серебряном ободе создают сеть, в которой путаются кошмары. Аметист в центре — камень покоя. Древесина же для земли, роста, урожая. Каждый материал имеет свою природу, и нельзя использовать дуб там, где нужна берёза.

Я вернулась в лавку и принялась за дело.

Первыми пошли амулеты от крыс. Чернила ложились ровно, вязь загоралась золотым, и я откладывала готовый амулет в сторону.

Потом настала очередь ловцов снов. Серебряные ободья лежали передо мной, и я наносила вязь на внутреннюю сторону — туда, где она будет невидима, но будет работать.

— Следующий пункт, — сказала я, вытирая руки. — Артефакт для памяти.

Это был заказ Миры, студентки Академии. Я обещала сделать его бесплатно, и я не нарушаю обещаний.

Я взяла небольшой кожаный лоскут — обрезок от старого ремня, который нашла в подсобке. Кожа подходила для работы с сознанием, я читала об этом в дневнике матери.

— Для памяти нужна вязь из Ансуз, Лагуз и Манназ, — сказала я, чертя схему на пергаменте. — Ансуз — сообщение, Лагуз — поток, Манназ — разум человека.

Я нанесла вязь на кожу, активировала. Кожа засветилась синим, рисунок впитался внутрь, оставив на поверхности едва заметный блестящий узор. Я провела пальцем — узор не стирался.

— Артефакт для концентрации, — продолжила я.

Его можно сделать в виде кольца или заколки. Я выбрала кольцо — у меня были медные заготовки, оставшиеся от амулетов. Тонкая полоска металла, которую можно согнуть в круг.

Вязь: Совило + Тейваз + Альгиз. Солнце, воин, защита. Концентрация — это умение не отвлекаться, а для этого нужна ясность в голове и защита от внешних помех.

Я нанесла руны, активировала. Кольцо засветилось золотым, металл завибрировал, и на внутренней стороне проступили едва заметные линии.

— Артефакт для быстрого засыпания, — сказала я, беря следующий кусок кожи.

Я сделала его в виде маленькой подвески — круглый кожаный диск с отверстием для шнурка. Активация прошла без сюрпризов, только в лавке запахло мятой и ромашкой.

— Артефакт от головной боли, — последний.

Я нанесла руны на маленькую пластинку из кости, которая нашлась в коробке с надписью «Осторожно, хрупкое».

— Неплохо, — сказала я. — Теперь осталось дождаться Миру и отдать ей это добро.

Дворецкий кивнул и протянул мне чистую тряпку — вытереть руки. Я вытерла, кинула тряпку в угол и откинулась на спинку стула.

Потом я решила поэкспериментировать.

В голове вертелись рунические ставы — те, которые я помнила из прошлой жизни. В этом мире они могли работать. Или взорвать лавку к чертям собачьим.

Я взяла пергамент и нарисовала став на защиту дома.

В состав става вошли альгиз, беркана, уруз, дагаз, лагуз, наутиз.

Затем приложила пергамент к косяку входной двери. Вспышка подтвердила, что став заработал.

Я сидела за прилавком, перебирая готовые артефакты, и в голове уже выстраивались новые планы.

Богатые клиенты — это отдельная песня.

В Нижнем городе живут бедняки, которым едва хватает на хлеб. Но есть и другие. Им нужны не просто амулеты, а статус. Украшения, которые подчеркнут их положение.

Я представила: амулет от сглаза на золотой цепочке с рубином. Ловец снов из чистого серебра с бриллиантами вместо аметиста. Оберег для урожая из чёрного дерева с позолотой и инкрустацией. И упаковка — бархатные мешочки, шкатулки из красного дерева, шёлковые ленточки.

Я записала идею в дневник матери на чистой странице. Потом добавила ниже:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.